

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

СОВРЕМЕННЫЙ ВЕК И ЕГО СВЯТЫНИ

Ценностные ориентации меняются медленно, но большей частью незаметно. Проходит время, и люди поражаются тому, что живут уже в ином мире, в другом этическом и психологическом пространстве. Эпохи, само собой понятно, не выстраиваются хронологически, в точном совпадении с календарем. Однако у нас есть все основания именовать XVII в. — Новым временем, XVIII в. — эпохой Просвещения.

Минувшее столетие вошло в анналы истории как «век-волкодав». Но он все же обозначился в августе 1914 г., не по официальному исчислению, а когда разразилась Первая мировая война. Каковы же, на наш взгляд, важнейшие события уже взявшего старт нового тысячелетия?

Новый век, можно, по-видимому, считать «действующим» с 11 сентября 2001 г., когда свершилось дерзкое нападение террористов на Нью-Йорк. В этот день самолеты, захваченные террористами, вонзились в близнецы-небоскребы Даун-тауна, принадлежащие Всемирному торговому центру. Они превратили эти 110-этажные махины в груды развалин, в которых погибли более трех тысяч человек.

Мы сегодня понимаем, что любая современная проблема обретает относительную ясность только тогда, когда она осмысливается через животворящие святыни, через ломку вековых ценностей. Люди постоянно соизмеряют свои действия со своими целями, общепризнанными нормами. В истории сталкиваются различные идеалы, абсолюты и святыни. Ценности более подвижны, нежели культурно-исторические стандарты. В рамках одной культуры может произойти смена ценностных ориентаций. Американский социолог Д. Белл в работе «Культурные противоречия капитализма» показал, что на протяжении исторической судьбы капиталистической формации радикально менялись ценностные ориентации от протестантской этики до модернизма, то есть совокупности новых жиз-

ненно-практических установок¹. В рамках одного века возможны самые различные представления о смысле жизни. Это особенно заметно в наши дни.

Смысл жизни — регулятивное понятие, присущее всякой развитой мировоззренческой системе, которое оправдывает и истолковывает свойственные этой системе моральные нормы, во имя чего необходима предписываемая ими деятельность. Разумеется, проблемы духа проступают и на уровне житейского, повседневного сознания. Человек живет в мире напряженной нравственно-психологической ориентации. Он соотносит свои поступки не только с каждодневными интересами, но и с идеалом, абсолютом. Это особенно заметно в современной России, неожиданно столкнувшейся с множеством ценностных ориентаций, которые требуют неотложного выбора.

Все чаще в практической жизни возникают, казалось бы, лишние в житейском контексте вопросы: зачем? во имя чего? ради каких святынь? Сегодня мы толкуем о национальном проекте, призванном обеспечить рождаемость и предотвратить высокую смертность. Но сама ценность жизни при этом ускользает... Родить ребенка, но какого — болезненного, обреченного, несущего проклятие спившихся родителей? Предотвратить раннюю смерть пожилого человека, но превратить его существование в постоянную муку, обреченность, унижение?

Каждую культуру можно представить себе как набор конкретных разделяемых большинством ее представителей ценностей, находящихся в определенной иерархии. Говоря о какой-либо культурной эпохе, мы можем сказать, что люди, живущие в ту пору, имели определенные святыни. Изменяются духовные абсолюты, и наступает новая эпоха.

В истории философии можно выделить два концептуально различных подхода к проблеме предна-

¹ См.: Bell D. Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y., 1976.

*Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ №11-03-00-599А
«Проблема идентичности современной культуры»*

значенности человеческой жизни. В одном случае смысл человеческого существования усматривается в моральных установлениях земного бытия человека. В других — в неких запредельных трансцендентных критериях, определяющих окончательную ценность человеческой жизни. Наконец, поискам смысла жизни противостоит идея бессмысленности человеческих упований и действий.

Огромное многообразие смысложизненных ориентаций можно условно представить в виде двух моделей — гедонистической и стоической. Обе модели восходят к античной этике. Эвдемонизм рассматривал счастье как мотив и цель всех стремлений человека. Его представители считали счастливым и в то же время добродетельным человека, духовные и телесные способности которого могут беспрепятственно развиваться. Этим он приносит наслаждение не только себе, но и другим.

Античная этика, особенно классическая этика Аристотеля, видела в человеке существо, которое ищет счастье, блага, гармонии и может достигать их. Такое представление можно отыскать и в работах Фомы Аквинского и в официальной католической теологии. Но в христианстве тем не менее этот идеал оказался надломленным.

В противовес гедонизму в Древней Греции родилось иное умонастроение, философское течение — стоицизм. Его представители утверждали, что человек вовсе не рожден для удовольствия. В мире много утрат, катастроф. Надо заблаговременно готовить себя к ним. Это установку можно выразить строкой из И. Бродского: «Человек есть испытатель боли». Нельзя поддаваться страстям — желанию, страху, наслаждению и скорби. Мудрец должен быть умеренным, мужественным, рассудительным и справедливым. Учение стоиков — это этика сурового долга.

Гедонистический идеал

Эти две установки прошли через всю европейскую историю. В работе «Неудовлетворенность культурой» Фрейд пишет: «Вопрос о смысле человеческой жизни ставился бесчисленное количество раз: на этот вопрос никогда не было дано удовлетворительного ответа, и, возможно, таковой вообще заповедан. Некоторые из вопрошавших добавляли: если бы оказалось, что жизнь не имеет никакого смысла, то она потеряла бы для нас всякую ценность. Но эти угрозы ничего не меняют. Скорее можно предположить, что мы вправе уклониться от ответа на вопрос².

Разумеется, отмечает Фрейд, религия берется ответить на этот вопрос о цели жизни. Мы едва ли ошибемся, если придем к заключению, что идея о цели жизни существует постольку, поскольку есть религиозное мировоззрение. Вот почему Фрейд пытается подойти к вопросу с иной стороны. Чего люди требуют от жизни и чего стремятся в ней достичь? Трудно ошибиться, полагает Фрейд, отвечая на этот вопрос: люди стремятся к счастью, они хотят стать и быть счастливыми. По мнению автора, это стремление имеет две стороны — положительную и отрицательную цели: отсутствие боли и неудовольствия, с одной стороны, переживание сильных чувств наслаждения — с другой.

Фрейд считал, что жизненная цель просто определяется программой принципа наслаждения. Этот принцип, по его словам, главенствует в деятельности душевного аппарата с самого начала. Его целенаправленность не подлежит никакому сомнению, в то время как его программа ставит человека во враждебные отношения со всем миром. По замечанию Фрейда, «в плане «творения» отсутствует намерение сделать человека «счастливым»³.

То, что понимается под счастьем в строгом смысле этого слова, проистекает, скорее, из внезапного удовлетворения потребности, достигшей высокой напряженности, и по своей природе возможно лишь как эпизодическое явление. Итак, возможности для нашего счастья ограничены. Значительно менее трудно избежать несчастья. Страдания угрожают нам с трех сторон: со стороны нашего собственного тела, судьба которого — упадок и разложение, не предотвратимые даже предупредительным сигналами боли и страха; со стороны внешнего мира, который может обрушиться на нас могущественные и неумолимые силы разрушения, и, наконец, со стороны наших взаимоотношений с другими людьми. Итак, смысл жизни, по Фрейду, в наслаждении.

Эта гедонистическая установка пронизывает современную западную культуру. Известный американский исследователь Патрик Дж. Бьюкенен в книге «Смерть Запада» дает развернутую характеристику этой установки. Жизнь дается человеку только один раз и прожить ее надо вкусно и шоколадно, — примерно таков расхожий слоган современной массовой культуры. В иерархии ценностей она ставит радости секса гораздо выше счастья материнства. Женские журналы, «мыльные» оперы, дамские романы, телевизионные передачи в прайм-тайм — везде прославляется карьера, секс и независимость (и одиночество женщин). Брак и

² Фрейд З. Основной инстинкт. М., 1997. С. 442.

³ Там же. С. 443.

моногамия также восхитительны, как сэндвичи с пюре. «Древний триумвират «мир, плоть, дьявол» не только извлечен из небытия, но и усиленно пропагандируется лучшими рекламными агентствами»⁴.

Человеческая жизнь утратила прежнюю ценность, уже нет и в помине того бережного отношения к ней, с каким воспринимало ее поколение, вернувшееся с войны. Эвтаназия прижилась в Европе и сейчас проникает в Америку. В век индивидуализма люди боготворят жизнь земную и отказываются верить в небесную. Они верят в качество жизни, а не в ее святость. Никто не желает, чтобы ему рассказывали, как он должен жить. Даже в глубинку проникли веяния сексуальной революции. «Занимайся собой!» — такова гедонистическая установка. Каждая американка детородного возраста имеет как минимум один аборт, а большинство — даже не два. Эти женщины хотят жить для себя и учат тому же своих дочерей, а следовательно, будут голосовать против всякого политика, который попытается отобрать у них это право.

Бьюкенен задается вопросом: «какая сила может противостоять песни сирен гедонистической культуры, песне столь обольстительной и призывной, песне, которую повторяют едва ли не все, кто обращается к молодежи, — Голливуд, MTV, «мыльные оперы», телепередачи, глянцево-журналы, популярная музыка, дамские романы и прочие бестселлеры? Как помочь родителям, если даже учителя и священники раздают подросткам кондомы? Как побудить американок вспомнить о ценностях матерей и бабушек: добрый муж, дом в пригороде, куча детишек?»⁵

Гедонистическая установка — своеобразное евангелие нашего времени. У нее есть собственные заповеди, а именно: Бога нет, во вселенной не найти абсолютных ценностей, вера в сверхъестественное есть предрассудок. Жизнь начинается здесь и здесь же заканчивается. Ее цель — наслаждение. Доступное в единственном известном нам мире. Каждое общество вырабатывает собственный этический код, у каждого человека есть право создать аналогичный код для себя самого. Поскольку счастье — венец жизни и поскольку мы существа рациональные, мы имеем право судить самостоятельно, когда жизненные тяготы перевешивают радости жизни и когда наступает срок прервать жизненный путь — то ли собственными руками, то ли при помощи семьи и врачей.

Любовь и ее неперемный спутник — секс, есть здоровые, благие явления, поэтому дозволены любые добровольные сексуальные отношения, — это

личное дело каждого, не более того, и государство не вправе вмешиваться в эту область. Данный принцип — все образы жизни равноправны — подлежит фиксации в законе, а тех, кто отказывается подчиняться новым законам, должно наказывать. Если не уважаешь образ жизни соседа, — значит, ты лицемер. Дискриминация по отношению к тем, кто исповедует образы жизни, отличные от твоего, — преступление. Зло, которое необходимо искоренить, — гомофобия, отнюдь не гомосексуализм.

Согласно гедонистической установке, старинная христианская этика осуждала секс вне брака и объявляла противоестественными гомосексуальные связи по той причине, что основами этой этики служили суеверия, христианское двуличие, религиозные догмы и варварские традиции. Христианская этика жестока, она угнетает человека и потому служить преградой на пути к счастью. Она несет ответственность за разрушение бесчисленного количества жизней, особенно жизней тех, кого влечет к представителям собственного пола.

В политике новая вера находит свое выражение в глобализации и в скептическом отношении к патриотизму, поскольку из истории известно, что чрезмерная любовь к своей стране нередко приводила к подозрительности по отношению к соседям и, как следствие, к войнам.

В современном сознании критика гедонистического понимания смысла жизни ведется по разным направлениям. Э. Фромм пишет: «Гедонистически ориентированным мыслителям не удалось адекватно проанализировать природу удовольствия; складывается впечатление, что их усилия сводятся к следующему утверждению: то, что в жизни легче всего — иметь удовольствие, — и есть то, что наиболее ценно. Но ничто по-настоящему ценное не является легко достижимым; тем самым их ошибка облегчила их оппонентам критику принципов свободы и счастья и позволила на этой основе утверждать, что именно отказ от удовольствия есть доказательство добродетели»⁶.

Гедонистический проект смысла жизни предполагает почти полное отвлечение от метафизических проблем. Сторонники этого идеала считают, что земные цели должны преобладать над неразрешимыми теологическими, расовыми или ксенофобскими спорами.

Продолжение в следующем номере

⁴ Бьюкенен Патрик Дж. Смерть Запада. М., 2004. С. 68.

⁵ Там же. С. 75.

⁶ Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1998. С. 199.